

У КАЖДОЙ ТАЙНЫ
ЕСТЬ СВОЙ ЭТАЖ

ТАМ, ГДЕ ГОРЕЛИ СВЕЧИ

ТРЕТИЙ ЭТАЖ
ХРАНИТ ТАЙНЫ.
НО ТОЛЬКО ОНА
МОЖЕТ ИХ
РАСКРЫТЬ

23 МИНУТЫ
РЕШАЮТ
ВСЕ

МАЙЯ

ДЭН

ИНОГДА, ЧТОБЫ
ВЕРНУТЬ ДРУГИХ,
НУЖНО ВСПОМНИТЬ
СЕБЯ

18+

Gerta Gerta

«Там, где горели свечи»

<https://litres.ru/74415873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эмили переехала в Уайт-Рок после того, как её отец ушёл из семьи. Она не искала приключений — только хотела пережить этот год. Но в новой школе она знакомится с Майей, которая верит в загадки, и Дэном, который верит в Майю.

Однажды Майя предлагает подняться на третий этаж — запретный, закрытый, хранящий мрачную тайну. Эмили соглашается. Но в назначенную ночь она опаздывает.

Ей не хватило двадцати трёх минут.

Утром Майя и Дэн не приходят в школу. Полиция ищет их не там. И только Эмили знает: они наверху. И только она может их вернуть.

Потому что третий этаж говорил с ней во снах ещё до того, как она узнала о его существовании.

Она — ключ.

И пришло время открыть дверь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 "Опоздавшая"	11
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Gerta Gerta

«Там, где горели свечи»

Пролог

Пролог. 1963 год

Элис Бернс запомнила запах дыма раньше, чем увидела огонь.

Сладковатый, удушливый, он просачивался сквозь щель под дверью аудитории 307, словно живое существо — невидимое, терпеливое, неумолимое. Сначала она подумала, что это просто воображение. Что кто-то из технического персонала жжёт мусор во дворе, и запах проник через вентиляцию. Что это пройдёт.

Не прошло.

Она сидела на полу у дальней стены, прижав колени к груди, и смотрела на дверь. Тяжёлую, дубовую, с латунной ручкой, которая не поддавалась, сколько бы она ни дёргала. Замок был повернут снаружи. Ключ — у него в кармане. Она слышала его шаги, удаляющиеся по коридору, — быстрые, почти бегом, как будто он сам испугался того, что сделал. Слышала его дыхание — прерывистое, свистящее, словно у загнанного зверя. Он сказал: «Ты пожалеешь об этом, Элис. Ты ещё поймёшь, что ошиблась». А потом дверь захлопну-

лась, и щёлкнул замок, и наступила тишина.

Элис не знала, сколько прошло времени. Может, полчаса. Может, час. В аудитории не было окон — только узкая полоска стекла под самым потолком, через которую пробивался серый, угасающий свет октябрьского дня. Она пыталась кричать, но голос тонул в тишине пустого этажа — уроки уже закончились, все разошлись по домам. Она пыталась выбить дверь плечом, но дверь была слишком крепкой, а она — слишком хрупкой, шестнадцатилетняя девочка, весившая едва ли сто фунтов.

А потом запахло дымом.

Сначала — тонкая струйка, едва заметная, как дым от сигареты. Потом — гуще, темнее, плотнее. Он напознал из подсобки в углу аудитории, где хранились старые учебники, карты и химикаты для лабораторных работ. Кто-то опрокинул спиртовку? Замкнуло старую проводку? Или это было что-то иное — что-то, что ждало своего часа в стенах этой школы годами, десятилетиями, с самого дня постройки?

Ответа не было. Был только огонь — и дым, и ужас, растекающийся по телу ледяной волной.

Элис кричала. Она колотила кулаками в дверь, сбивая косяшки в кровь. Она звала на помощь — имена, которые сейчас уже не имели значения: учителей, одноклассников, маму. Никто не отзывался. Только дым становился всё гуще, и дышать становилось всё труднее, и в какой-то момент крики перешли в кашель, а кашель — в хрип.

Тогда она перестала бороться. Опустилась на пол у дальней стены, прижалась спиной к холодной штукатурке и положила руку на живот. Ей было шестнадцать. Она была на четвёртом месяце беременности. И она знала, что умрёт здесь.

— Прости меня, — прошептала она. — Прости, что я не смогла тебя защитить.

Слёзы текли по её щекам, смешиваясь с сажей. Где-то глубоко внутри, под рёбрами, она чувствовала лёгкое шевеление — как будто ребёнок тоже прощался с ней. Или, может быть, просто чувствовал её страх и отвечал единственным доступным ему способом.

Последнее, что увидела Элис Бернс, — лицо в окне под потолком. Кто-то смотрел на неё снаружи, прижавшись к стеклу. Бледное пятно в сером прямоугольнике света. Она не успела разглядеть, кто это был. Может быть, пожарный. Может быть, учитель. Может быть, сам Эдвард Уоллес, вернувшийся, чтобы открыть дверь, но опоздавший, как всегда опаздывают те, кто пытается исправить непоправимое.

А потом мир растворился в боли. И в пламени. И в темноте.

Огонь тушили почти час. Когда пожарные взломали дверь аудитории 307, от помещения почти ничего не осталось — только обгоревшие парты, осыпавшаяся штукатурка и тело девочки у дальней стены. Она сидела, прижав колени к груди и положив руку на живот, и в этом жесте было столько нежности и отчаяния, что один из пожарных, мужчина с два-

дцатилетним стажем, повидавший всякое, вышел на улицу и долго стоял, прислонившись к стене, не в силах произнести ни слова.

В официальном отчёте написали: «Несчастный случай. Короткое замыкание электропроводки в подсобном помещении». Ни слова о том, что дверь была заперта снаружи. Ни слова о том, что в лёгких погибшей не было достаточного количества дыма, чтобы умереть от удушья, — экспертиза показала, что сердце остановилось раньше, чем пламя добралось до неё. Остановилось от страха. Или от горя.

Ни слова о беременности. Эту деталь аккуратно убрали из всех документов — кроме одного, медицинского отчёта, который по ошибке не уничтожили, а подшили в архив, где он пролежал шестьдесят лет в папке с грифом «Не подлежит разглашению».

Дело закрыли за две недели. Шестидесятые, маленький городок, репутация школы — никто не хотел скандала. Никто не хотел копать глубоко.

А через год Эдвард Уоллес, учитель истории, запиравший дверь аудитории 307, повесился в своём кабинете. Ему было тридцать два года. Он не оставил предсмертной записки — во всяком случае, так говорили официально. Но он оставил кое-что другое: дневник в синей обложке, который его вдова, охваченная стыдом и горем, спрятала на чердаке и о котором никому не рассказала. Даже сыну. Особенно сыну.

В этом дневнике было написано всё. О том, как Эдвард

Уоллес впервые увидел Элис Бернс — она отвечала у доски, и осеннее солнце падало на её тёмные волосы, и что-то внутри него сдвинулось, сломалось, перегорело. О том, как он начал ставить ей лучшие оценки и задерживать после уроков, находя для этого любые предлоги. О том, как она боялась его и избегала — и как её страх только разжигал его одержимость, делал её невыносимее, темнее, опаснее. О том, как однажды он признался ей в пустом классе после урока, и как она рассмеялась ему в лицо, и как этот смех — звонкий, почти истерический, — стал последней каплей.

«Я люблю Джеймса, — сказала она. — Я жду от него ребёнка. Вы мне отвратительны, мистер Уоллес. Вы старый, вы женатый, вы смешны. Оставьте меня в покое».

И тогда он запер её. Не для того, чтобы убить — нет, он убеждал себя в этом потом, ночами, сидя в пустом доме с дневником на коленях. Просто чтобы напугать. Чтобы она поняла, как ошиблась. Чтобы просидела в темноте пару часов и осознала, что не стоит смеяться над чувствами взрослого мужчины. Он отошёл от двери, спустился в учительскую, выпил чашку кофе. А когда через час вернулся, из-под двери аудитории 307 валил дым.

Остальное было в газетах.

Но в дневнике было и другое — то, о чём не писали ни в одной газете. То, что Эдвард Уоллес записывал дрожащей рукой в последние недели перед самоубийством, когда сон стал для него недостижимой роскошью, а виски — един-

ственным утешением.

Он писал, что третий этаж изменился после пожара.

Он писал, что по ночам слышит шаги за запертой дверью — шаги, которые не могут принадлежать никому из живых. Что воздух на лестнице стал холоднее, чем в других частях здания. Что ученики жалуются на странные звуки сверху — стук, шёпот, плач.

Он писал, что этаж «дышит». Что там, в темноте пустых коридоров, поселилось что-то, что питается человеческими эмоциями — болью, страхом, яростью. Что-то, что проснулось в тот день, когда Элис Бернс испустила последний крик. Что-то, что теперь ждёт.

И он писал о цикле.

Эта страница была исписана особенно нервно, скачущим почерком, с зачёркиваниями и подчёркиваниями. «Тридцать шесть лет, — писал он. — Я видел это во сне. Я слышал это в шёпote стен. Тридцать шесть лет — и оно обновится. Схлопнется, как змея, сбрасывающая старую кожу. И если кто-то будет внутри, когда это случится, — он останется там навсегда. Не просто умрёт. Не просто исчезнет. Станет частью этажа. Его голосом. Его памятью. Его пищей».

«Я разбудил это, — писал он в самой последней записи. — Моя ревность, моя ярость, моё болезненное, извращённое чувство — они стали искрой. А теперь оно не остановится. Оно будет забирать всех, кто войдёт, — до тех пор, пока цикл не завершится. И я не знаю, как его остановить. Прости меня,

Элис. Прости меня, сын. Я пытался. Бог свидетель, я пытался».

На этом дневник обрывался.

Следующая запись была сделана другим человеком, другим почерком — через двадцать три года.

Глава 1 "Опоздавшая"

Автобус высадил её на пустынной остановке, и Эмили сразу поняла три вещи.

Первое: она опоздала. Безнадёжно, непростительно, на целых двадцать три минуты. Часы на телефоне показывали 20:23, и цифры эти горели в сумерках, как обвинение. Второе: дождь, моросивший весь день, наконец прекратился, оставив после себя влажную, густую тишину — ту особенную тишину октября в маленьких прибрежных городах, в которой слышно только море, ветер и собственное сбившееся дыхание. Третье: она совершила ошибку, согласившись на эту авантюру.

Впрочем, «ошибка» — не совсем правильное слово. Эмили Харт не верила в ошибки. Она верила в причинно-следственные связи — в длинные, запутанные цепочки событий, которые тянутся из прошлого в будущее, соединяя людей и места невидимыми нитями. Каждое решение, даже самое незначительное — даже решение сесть не на тот автобус, или выйти из дома на пять минут позже, или задержаться у зеркала, вглядываясь в собственное отражение и пытаясь найти в нём что-то, чего там никогда не было, — однажды приводит тебя туда, где ты должна оказаться. Просто иногда это «туда» оказывается тёмным школьным двором в восемь двадцать три вечера, и ты стоишь одна перед запертой дверью,

и холодный ветер с океана забирается под куртку ледяными пальцами.

Эмили переехала в Уайт-Рок две недели назад. Городок на побережье, зажатый между серым океаном и невысокими скалами из песчаника, был из тех мест, которые называют «живописными» в туристических брошюрах и «унылыми» — в частных разговорах. Летом сюда приезжали отдыхающие из Бостона и Нью-Йорка, наполняя узкие улочки смехом и деньгами. Но лето кончилось. Наступала долгая прибрежная осень — с туманами, дождями и ветром, который был в печных трубах, как голодный зверь.

Город встретил её запахом соли, криками чаек и той особенной атмосферой всеобщего знания, которая бывает только в маленьких сообществах. Здесь все знали всех. Каждый новый человек был событием, которое обсуждали за ужином. Эмили чувствовала на себе взгляды — в супермаркете, на почте, в библиотеке, — оценивающие, любопытные, иногда сочувствующие. «Это та самая девочка, — шептались, наверное, за её спиной. — Дочь женщины из муниципалитета. Отец ушёл из семьи. Мать работает сутками. Бедняжка».

Она ненавидела, когда её жалели. Жалость была для неё самой унижительной формой человеческого участия — она как бы говорила: ты слабая, ты не справишься, давай я понесу твою ношу. Но Эмили не была слабой. Она просто была сломанной. Как старая фарфоровая кукла, которую склеили заново, но трещина всё равно видна, если присмотреться.

Трещина появилась три года назад, когда отец ушёл из семьи. Эмили запомнила тот день во всех подробностях, хотя предпочла бы забыть. Четверг. Она вернулась из школы раньше обычного — отменили последний урок, — открыла дверь своим ключом и сразу почувствовала: что-то не так. В доме было слишком тихо. Не просто тихо — пусто, как бывает пусто в помещении, из которого только что вынесли всю мебель, даже если мебель стояла на месте.

Исчезли отцовские ботинки из прихожей — старые коричневые ботинки из мягкой кожи, которые мать грозилась выбросить уже год, потому что они протёрлись на сгибах. Его куртка с вешалки — та самая, с заплаткой на локте, которую он зашивал сам, неумелыми мужскими стежками. Его часы с тумбочки у кровати — подарок деда на двадцатилетие, единственная ценная вещь, которая у него была. Он ушёл, не взяв почти ничего, словно хотел, чтобы от него не осталось и следа. Словно хотел исчезнуть полностью, без остатка, как вода, испарившаяся с асфальта после дождя.

На кухонном столе лежала записка — листок в клетку, вырванный из блокнота, семь слов, написанных знакомым, чуть наклонённым вправо почерком: «Простите. Я не могу иначе. Не ищите меня».

Первое время Эмили ждала. Каждый раз, когда звонил телефон, она вздрагивала. Каждый раз, когда хлопала входная дверь — соседей, почтальона, кого угодно, — она надеялась. Прошёл месяц, два, полгода. Надежда не исчезла —

она трансформировалась во что-то другое. В глухую, ноющую боль где-то под сердцем. В привычку проверять телефон каждое утро. В неспособность доверять людям, потому что если даже самый близкий человек может просто встать и уйти, не обернувшись и не объяснив причин, — то что говорить об остальных? Все они уйдут, рано или поздно. Все они предадут. Вопрос только в том, когда.

Мать изменилась тоже. Она не плакала — по крайней мере, при Эмили. Просто стала тише, отстранённое, словно часть её души ушла вместе с отцом, и оставшейся части едва хватало на то, чтобы функционировать. Она продолжала работать, готовить ужин, спрашивать об оценках — но всё это делалось механически, без эмоций, как актёр играет роль, которую выучил слишком давно. В её глазах поселилась пустота, которую Эмили не могла заполнить, как ни старалась. Иногда ей казалось, что они с матерью — два корабля, плывущие в одной бухте, но никогда не приближающиеся друг к другу настолько, чтобы можно было перекинуть мостик.

Переезд в Уайт-Рок мать объявила как решённый факт. «Мне предложили должность в муниципальном архиве. Это хорошая работа, стабильная. И город тихий, спокойный. Тебе понравится». Последнее слово прозвучало не как предположение, а как приказ. Эмили не стала спорить — она давно перестала спорить с матерью. Смысла не было. Та всё равно сделает по-своему, а Эмили останется только подчиниться и сделать вид, что всё в порядке.

Так они оказались здесь — в съёмной квартире на Бейкер-стрит, с окнами, выходящими на серый, вечно беспокойный океан, и с коробками, которые Эмили отказывалась разбирать. Распаковать вещи означало признать: это теперь её дом. Она не была готова к такому признанию. Она всё ещё надеялась — вопреки логике, вопреки здравому смыслу, — что однажды проснётся в старой комнате, услышит с кухни голос отца, читающего утреннюю газету, и поймёт, что все эти три года были дурным сном.

Чуда не произошло. Вместо этого произошло кое-что другое.

Знакомство с Майей и Дэном.

Старшая школа Уайт-Рок была ровно такой, какой Эмили её представляла, листая сайт городского образовательного округа. Трёхэтажное здание из красного кирпича, построенное в 1952 году, с широкими коридорами, пахнущими хлоркой и мелом. На стенах — обязательные стенды: спортивные кубки за победы в окружных соревнованиях, фотографии выпускников за разные годы (причёски менялись, а выражения лиц — нет: всё та же смесь надежды и неуверенности перед будущим), плакаты, призывающие вступать в клубы по интересам, и обязательная цитата какого-нибудь президента про важность образования, выведенная каллиграфическим почерком на ватмане.

В первый день Эмили стояла у расписания, висящего на стене главного холла, и пыталась понять, где находится ка-

бинет истории. Расписание было напечатано мелким шрифтом на жёлтой бумаге, и строчки расплывались перед глазами — то ли от усталости, то ли от волнения, то ли от того и другого сразу.

— Новенькая!

Она обернулась. Перед ней стояла девушка с копной огненно-рыжих волос, собранных в небрежный пучок, из которого во все стороны торчали непослушные пряди, напоминающие всполохи пламени. Веснушки рассыпаны по носу и щекам, как будто кто-то брызнул коричневой краской на белый холст. Глаза ярко-зелёные, живые, горящие тем особенным огнём, который бывает только у людей, никогда не терявших интереса к миру. В одной руке она держала стаканчик с латте — судя по запаху, уже третьим за утро, — в другой потрёпанный блокнот, из которого, как внутренности распотрошённой птицы, торчали закладки, стикеры, вырезки из газет и огрызок карандаша.

— Я Майя, — сказала она улыбаясь, и улыбка эта была такой широкой и искренней, что Эмили на мгновение забыла о своём волнении. — Майя Харрис. Миссис Грин попросила меня показать тебе школу. Ну, на самом деле она никого не просила, но я вызвалась. Люблю новеньких. У них всегда интересные лица. У тебя грустное лицо. Это ничего, здесь у всех грустные лица — это климат. Морской воздух, знаешь ли, способствует меланхолии. Пойдём!

Она заговорила — и не останавливалась, кажется, следу-

ющие полчаса. Эмили вела по коридорам, как экскурсовод по музею, показывая столовую («пицца отвратительная, но булочки с корицей ничего, бери только те, что в дальнем углу, они свежее»), спортзал («здесь никто не занимается спортом, все только делают вид, но если тебе нужно переодеться в тишине, иди в дальнюю раздевалку, там никого не бывает»), библиотеку («моё любимое место во всей школе, там есть газеты за все годы, это настоящий клад для тех, кто умеет искать»).

— А это Дэн, — сказала Майя, когда они проходили мимо ряда шкафчиков у восточного крыла. — Дэн, познакомься, это Эмили, наша новенькая. Эмили, это Дэн. Он молчит, но это не потому, что он грубый или нелюдимый, а потому что он думает. Вечно думает. Дэн, скажи что-нибудь, покажи, что ты умеешь говорить.

Парень, прислонившийся плечом к шкафчику, поднял глаза от книги — что-то в мягкой обложке, кажется, Стейнбек, — и Эмили впервые увидела его лицо. Высокий, чуть сутулый, как многие высокие люди, стесняющиеся своего роста. Тёмные волосы, вечно падающие на глаза, которые он то и дело убирал нетерпеливым жестом. Черты лица мягкие, почти юношеские, но в выражении глаз — что-то взрослое, спокойное, оценивающее. Он посмотрел на Эмили, потом на Майю, и в этом коротком взгляде промелькнуло что-то, что Эмили сразу узнала: та особенная смесь тревоги, обожания и обречённости, которая бывает только у людей, давно и без-

надёжно влюблённых.

— Привет, — сказал Дэн. — Добро пожаловать в Уайт-Рок. Не обращай внимания на Майю, она всегда такая. Привыкнешь.

— Не смей меня дискредитировать перед новенькой! — возмутилась Майя, но глаза её смеялись. — Дэн — мой лучший друг. Он ходит за мной повсюду и говорит, что присматривает. На самом деле он просто боится, что я куда-нибудь влипну.

— И правильно боится, — сказал Дэн, возвращаясь к книге. — Потому что ты постоянно куда-то влипаешь.

— Я не влипаю! Я исследую! Это разные вещи!

Так они стали её друзьями.

Это произошло не сразу — Эмили не верила в мгновенную дружбу, как не верила в мгновенную любовь или мгновенное счастье. Но день за днём она ловила себя на том, что с нетерпением ждёт перемены, чтобы увидеть Майю, услышать её очередную безумную теорию, посмеяться над её шутками. Что ей нравится сидеть в столовой втроём, есть безвкусную пиццу и слушать, как Майя и Дэн спорят о какой-нибудь ерунде — лучшем фильме всех времён (Майя голосовала за «Криминальное чтиво», Дэн — за «Побег из Шоушенка»), самой недооценённой группе, смысле жизни.

Она не ожидала, что в новом городе, где она была чужой, появятся люди, с которыми можно молчать — и это молчание не будет неловким. С которыми можно смеяться над глу-

пыми шутками. Которым можно рассказать про отца — и они не будут смотреть на тебя с жалостью, а просто скажут: «Это хреново. Хочешь ещё печенье?»»

Майя была как стихия. Шумная, порывистая, неудержимая. Она могла одновременно рассказывать о городской легенде, жаловаться на несправедливость школьной системы оценивания и планировать побег на рок-концерт в Портленд, до которого было четыре часа езды. В ней было столько энергии и жизни, что иногда Эмили казалось — если подойти слишком близко, можно обжечься. Но она всё равно подходила. Не могла не подходить.

Дэн был полной противоположностью. Тихий, сдержанный, немногословный. Он редко говорил, но когда говорил — это всегда было что-то важное. Он читал книги, которые Эмили даже не слышала, и мог обсуждать их часами, если находил подходящего собеседника. Майя никогда не была таким собеседником — она не любила читать, — и, кажется, Дэна это вполне устраивало. Ему достаточно было просто быть рядом с ней. Сидеть рядом в столовой. Идти рядом по коридору. Присматривать.

Эмили быстро поняла то, что, кажется, понимали все в школе, кроме самой Майи: Дэн любил её. Это было видно по тому, как он на неё смотрел — с той особенной смесью нежности и тревоги, которую невозможно подделать. По тому, как он замолкал, когда она начинала говорить. По тому, как он соглашался на все её авантюры, даже самые безумные, —

не потому, что не мог отказать, а потому что предпочитал быть рядом и защищать, чем оставаться в стороне и волноваться.

Майя была для него солнцем. А он вращался вокруг неё, как планета, привязанная невидимой гравитацией.

О третьем этаже Майя заговорила через неделю после знакомства.

Они сидели втроем в библиотеке — на том самом месте, которое Майя называла «своим»: в дальнем углу, у окна, выходящего на спортивную площадку. Шёл дождь, капли барабанили по стеклу. Дэн читал. Эмили делала вид, что делает домашнее задание по математике. Майя, как обычно, рылась в старых подшивках «Уайт-Рок Газетт», которые ей выдавала библиотекарьша, миссис Патель, — сухонькая старушка в очках, подозрительно глядящая на каждого, кто прикасался к её архивам.

— Вот оно, — сказала вдруг Майя, и в её голосе прозвучала та особенная интонация, с которой человек находит клад.
— Я знала. Я всегда знала.

— Что ты знала? — спросил Дэн, не отрываясь от книги.

— Третий этаж. Всё, что о нём говорят, — правда.

— Что именно о нём говорят? — спросила Эмили.

Майя отложила газету и посмотрела на них горящими глазами.

— Вы что, ничего не слышали? — Она покачала головой с видом человека, который только что узнал, что его друзья

живут в пещере без доступа к цивилизации. — Третий этаж нашей школы — самое загадочное место во всём Уайт-Рок. Может, во всём штате. Его закрыли в 1963 году после пожара. Официальная причина — «повреждение несущих конструкций». Но на самом деле всё гораздо, гораздо интереснее.

— Откуда ты знаешь? — спросила Эмили.

— Я читала старые газеты. — Майя подвинула к ней пожелтевший номер «Уайт-Рок Газетт». Заголовок на первой полосе гласил: «Трагический пожар в школе: одна ученица погибла». Дата — 13 мая 1963 года. — Вот. Пожар случился в аудитории 307. Погибла Элис Бернс, шестнадцать лет. Тело нашли у двери. Дверь была заперта снаружи.

— Что значит «заперта снаружи»? — Дэн отложил книгу. Теперь он был полностью вовлечён в разговор.

— Это значит, что кто-то закрыл её там. Запер. Не случайно. Специально. — Майя сделала паузу, чтобы её слова достигли цели. — Но это ещё не всё. Через год после пожара повесился учитель истории. Эдвард Уоллес.

— Уоллес? — переспросила Эмили. — Как нынешний директор?

— Это его отец. — Майя кивнула. — Эдвард Уоллес был учителем истории в 1963 году. Это он вёл уроки у Элис Бернс. А через год после её смерти он покончил с собой.

— Думаешь, это он её запер? — спросила Эмили.

— Я не думаю. Я знаю. — Майя достала из блокнота сло-

женный листок бумаги. Это была ксерокопия какой-то архивной записи. — Я нашла это в городском архиве. Медицинский отчёт. Элис Бернс была беременна на момент смерти. Четыре месяца. И я нашла вот это. — Она достала ещё одну ксерокопию, на этот раз из старой школьной газеты за март 1963 года. Заметка о школьном театре: «Блестящая игра Элис Бернс и Джеймса Моргана в постановке Нашего городка». — Джеймс Морган. Парень из её класса. Я проверила — он уехал из города через месяц после пожара. Никто не знает куда.

— Думаешь, он был отцом? — спросил Дэн.

— Уверена. — Майя откинулась на спинку стула. — И теперь сложи картинку. Учитель истории, Эдвард Уоллес, влюблён в свою ученицу. Она отвергает его, потому что любит парня по имени Джеймс и ждёт от него ребёнка. Уоллес, обезумев от ревности, запирает её в аудитории — «чтобы напугать». Но случается пожар. Элис погибает. Уоллес, мучимый виной, вешается через год. А третий этаж с тех пор закрыт — и не только из-за пожара.

— А из-за чего ещё? — спросила Эмили.

— Из-за того, что случилось потом. — Майя снова зарылась в свои бумаги. — 1965 год — пропал учитель биологии, поднявшийся на этаж за старыми учебниками. 1971-й — двое учеников, решивших провести там ночь на спор. 1983-й — ночной сторож, делавший обход. Все они вошли на третий этаж. Никто не вышел.

— Полиция не расследовала?

— Расследовала. Никаких следов. Никаких тел. Никаких зацепок. — Майя понизила голос до шёпота. — В 1987 году директором стал Джереми Уоллес, сын Эдварда. И первое, что он сделал, — повесил на дверь третий этаж новый, усиленный замок. С тех пор никто туда не входил. Тридцать шесть лет. Как будто он знал то, чего не знали другие.

Дэн медленно покачал головой.

— Это всё интересно, Майя, но это звучит как... ну, как городская легенда. Призраки, проклятия...

— А исчезновения? — Майя стукнула ладонью по столу так, что миссис Патель неодобрительно посмотрела в их сторону. — Четыре человека — это не легенда. Это факты. Задокументированные. С газетными заголовками и полицейскими отчётами.

— И что ты предлагаешь? — спросила Эмили.

Майя улыбнулась. Это была та самая улыбка, которая появлялась у неё перед тем, как она предлагала что-то совершенно безумное.

— Я предлагаю подняться на третий этаж и увидеть всё своими глазами. Сегодня вечером. Вы со мной?

Дэн отложил книгу и посмотрел на неё долгим взглядом, в котором читалось всё: любовь, тревога, раздражение и покорность судьбе.

— Ты же знаешь, что я тебя одну не отпущу, — сказал он.

— Знаю. Поэтому ты идёшь со мной. — Майя поверну-

лась к Эмили. — А ты?

Эмили колебалась. Что-то внутри неё кричало: не ходи. Не приближайся к этому месту. Держись подальше. Но был и другой голос — тише, настойчивее, древнее. Он говорил: иди. Ты должна. Ты всегда должна была туда прийти. Этот голос звучал как эхо — как будто доносился из глубины времени, из самого её детства, из снов, которые она не могла вспомнить.

— Ладно, — сказала она. — Я с вами.

Теперь, стоя у школьных ворот, она проклинала это решение. Проклинала медленный автобус. Проклинала дождь, который снова начинал накрапывать. Проклинала Майю с её неутолимым любопытством и Дэна, который не смог её отговорить. Проклинала себя — за нерешительность, за опоздание, за то, что вообще согласилась.

Школа возвышалась над ней — тёмная, безмолвная, как спящий зверь. Единственный фонарь у входа мигал, и в его дрожащем оранжевом свете мокрый асфальт блестел, как поверхность тёмной воды.

— Майя! — позвала Эмили. Её голос прозвучал слишком громко, слишком одиноко. — Дэн!

Тишина. Только ветер шумел в кронах старых дубов, растущих по периметру школьного двора. Где-то вдалеке, на побережье, гудел маяк — низкий, протяжный звук, от которого становилось ещё более одиноко.

Эмили обошла здание. Все двери были закрыты. Она про-

верила западный вход — тот самый, о котором они договаривались. Заперто. Главный вход. Заперто. Чёрный ход у спортзала. Заперто. Окна первого этажа были тёмными и непрístupными.

Она достала телефон и набрала Майю. Длинные гудки — один, два, три, — а потом щелчок и голосовая почта. «Привет, это Майя. Меня нет на связи, но вы знаете, что делать». Короткий гудок.

Эмили набрала Дэна. Та же картина. «Абонент временно недоступен».

Тревога, которая до этого была просто фоном, теперь начала прорасти внутрь, как ледяное растение, запускающее корни в грудную клетку. «Они не пришли, — сказала она себе. — Это была шутка. Или они передумали. Или Майя, вечно забывающая о времени, просто ещё в пути. Они сейчас сидят в кофейне у порта, пьют горячий шоколад и смеются над тем, как новенькая потащилась ночью к школе».

Она почти убедила себя в этом. Почти.

И тут она услышала стук.

Тихий, ритмичный, настойчивый. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Он доносился изнутри здания. Откуда-то сверху. С третьего этажа.

Эмили замерла. Сердце пропустило удар, а потом забило где-то в горле — быстро, гулко, болезненно. Она прижалась лицом к холодному стеклу двери и заглянула в тем-

ноту холла.

Там кто-то стоял.

Тень. Фигура. Неподвижная, как статуя. Эмили не могла разглядеть лица, но видела силуэт — хрупкий, невысокий, девичий. И она знала — не умом, а каким-то древним, животным знанием, — что эта фигура смотрит прямо на неё.

Эмили отдёргнулась от стекла. Часто задышала, прижав ладонь к груди. «Это просто воображение. Игра теней. Усталость. Нервы».

Она заставила себя посмотреть снова.

Холл был пуст.

Только темнота и пыльное стекло. И её собственное отражение — бледное, испуганное.

Но стук продолжался. Настойчивый, ритмичный. Словно кто-то бил кулаком в дверь. Или в стену своей тюрьмы.

Эмили развернулась и быстрым шагом пошла к остановке. Она не оглядывалась. Ей казалось, что если она оглянется, то увидит что-то, чего видеть не должна. Что-то, что изменит всё.

Ночью ей приснился сон.

Она стояла в длинном коридоре. Стены были светлыми, но неестественно чистыми — как в больнице, где всё стерильно до жути. Вдоль стен, прямо на полу, горели свечи. Десятки, а может, и сотни. Их дрожащее пламя отбрасывало на стены причудливые тени. Пахло гарью, воском, старыми книгами. Где-то вдалеке раздавался мерный, ритмичный

стук. Тук-тук. Тук-тук.

В конце коридора стояла девочка.

Тёмные волосы до плеч. Простое школьное платье с белым воротничком — такое носили в середине прошлого века. Лицо бледное, почти прозрачное, а глаза — тёмные, глубокие, невероятно грустные. Она смотрела на Эмили, не мигая.

— Ты опоздала, — сказала она. Голос был тихим, но эхом отразился от каждой стены.

— Что? — спросила Эмили.

— Вчера. Ты опоздала на двадцать три минуты. Они вошли без тебя.

— Кто ты? Откуда ты знаешь?

Девочка сделала шаг вперёд. Её движения были плавными, почти невесомыми, как у отражения в воде.

— Ты знаешь, кто я. Ты просто забыла. Все забывают, когда уходят отсюда. Но ты вернулась.

— Я тебя не знаю. Я никогда тебя не видела.

— Видела. Ты всегда знала. С самого начала. — Девочка протянула руку. — Ты должна вспомнить. Должна понять, почему ты здесь. Почему ты вернулась именно сейчас.

— О чём ты говоришь? Какое «вернулась»? Я никогда не была в Уайт-Рок до этого месяца!

— Была. — В глазах девочки мелькнула тень. — Давно. Очень давно. Ещё до того, как всё началось. Ты — ключ. Ты всегда была ключом. И если ты не откроешь дверь, они

останутся здесь навсегда.

— Кто «они»? Майя и Дэн? Они живы?

Вместо ответа девочка снова протянула руку — ближе, почти касаясь пальцев Эмили.

— Иди за мной. Я покажу тебе. Я покажу тебе всё, что ты потеряла.

Эмили потянулась к ней. Но в тот момент, когда их пальцы почти соприкоснулись, коридор наполнился дымом — густым, чёрным, удушливым.

Свечи погасли одна за другой, погружая пространство во тьму. Где-то вдалеке раздался крик — женский, полный невыносимой боли.

И Эмили проснулась.

Она лежала на спине, глядя в потолок с его трещинами, и сердце колотилось где-то в горле. Футболка прилипла к спине от пота. За окном занимался серый, пасмурный рассвет. Волны с шумом разбивались о скалы у подножия города.

Часы на тумбочке показывали 6:47.

Эмили села на кровати и обхватила колени руками. Сон был ярче, чем любой другой сон в её жизни. Реальнее. Она всё ещё чувствовала запах гари. Всё ещё видела перед глазами лицо девочки — бледное, с грустными глазами и складкой между бровей.

«Ты — ключ. Ты всегда была ключом».

Что это значило? И почему лицо девочки казалось таким знакомым, таким родным, будто Эмили знала её всегда —

всю жизнь и даже дольше?

Ответов не было. Было только гнетущее предчувствие, что случилось непоправимое.

В класс она вошла за минуту до звонка. Парта Майи, та, что у окна, пустовала. Место Дэна позади — тоже.

Эмили села на своё место, достала учебник истории и попыталась сосредоточиться на уроке. Миссис Грин рассказывала о Гражданской войне — о битве при Геттисберге, о генерале Ли, о тысячах погибших, — но слова пролетали мимо, не оставляя следа. Эмили смотрела на пустую парту Майи, на нетронутый учебник, на ручку с обгрызенным колпачком, которую Майя всегда грызла во время контрольных, и чувствовала, как внутри разрастается холодная, липкая пустота.

На втором уроке они не появились. На третьем — тоже.

На большой перемене Эмили вышла в коридор и сразу всё поняла по лицам. Воздух был пропитан тревогой — тем особенным, почти осязаемым напряжением, которое бывает перед грозой, когда воздух становится плотным и электрическим. Ученики сбивались в группки, шептались, бросали друг на друга испуганные взгляды. Учителя выглядели бледными, взволнованными. У кабинета директора стояли двое полицейских.

— Что случилось? — спросила Эмили у пробегающего мимо парня из параллельного класса. Это был Марк, редактор школьной газеты, вечно всё знающий раньше всех.

— Ты не слышала? — Он посмотрел на неё с тем особым выражением, которое появляется у людей, когда они становятся обладателями страшной, но интересной новости. — Майя Харрис и Дэн Купер пропали. Со вчерашнего вечера. Они ушли из дома, сказали родителям, что идут в библиотеку, и не вернулись. Телефоны отключены. Местоположение не определяется. Полиция прочёсывает город.

— Прочёсывает город, — повторила Эмили.

— Ну да. Парки, побережье, старый порт. Они думают, что они могли просто... ну, сбежать на пару дней. Или что-то случилось.

Эмили молчала. Она знала, что они не в парке. Не на побережье. Не в старом порту.

Они на третьем этаже.

Ноги сами понесли её к кабинету директора.

Кабинет был полон. За дубовым столом сидел директор Уоллес — грузный мужчина за шестьдесят, с редкими седыми волосами, зачёсанными назад, и очками в толстой роговой оправе, которые он то и дело поправлял нервным жестом. Эмили видела его раньше — в первый день, когда мать привела её записываться в школу. Тогда он показался ей спокойным, добродушным, даже скучным. Сейчас он выглядел как человек, не спавший несколько ночей: под глазами залегли тёмные круги, щетина на подбородке, рубашка помята.

Напротив него сидела мать Майи — рыжеволосая женщина с опухшими от слёз глазами, прижимающая к лицу ском-

канный платок. Рядом — отец Дэна, высокий темноволосый мужчина с таким же спокойным и сдержанным лицом, как у сына. Он не плакал — просто сидел, вцепившись в подлокотники кресла, и смотрел в одну точку.

Полицейский — молодой, с короткой стрижкой и серьёзным лицом — стоял у окна с планшетом и что-то записывал.

— Мисс, — начал Уоллес, поднимая голову, и его голос прозвучал устало, но твёрдо, — у нас закрытая встреча. Если у вас срочное дело, пожалуйста, подождите в коридоре.

— Они пошли на третий этаж, — сказала Эмили.

В кабинете повисла тишина. Такая глубокая и абсолютная, что Эмили слышала, как тикают часы на стене — старые механические часы в деревянном корпусе, мерно отсчитывающие секунды. Как ветер шуршит листьями за окном. Как мать Майи перестала дышать.

— Что, простите? — Уоллес слегка наклонил голову. Его лицо на мгновение дрогнуло — что-то промелькнуло в глазах, похожее на панику, — но тут же исчезло. — Что значит «на третий этаж»?

— Майя и Дэн, — сказала Эмили, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя сердце колотилось как бешеное. — Вчера вечером. Мы договорились встретиться у западного входа в восемь. Я опоздала. Когда я приехала, их уже не было.

— Почему вы думаете, что они пошли на третий этаж? — спросил полицейский.

— Потому что Майя планировала это несколько дней. Она

была одержима этой идеей. Она читала старые газеты в библиотеке, рылась в городском архиве. Она нашла статьи о пожаре 1963 года. О том, что погибла ученица — Элис Бернс. И о том, что после пожара люди начали пропадать.

Уоллес медленно снял очки и начал их протирать.

— Это очень старая история, — сказал он. — И очень запутанная. Ваша подруга, вероятно, начиталась городских легенд...

— Майя не верила в легенды, — перебила Эмили. — Она верила в факты. И она их нашла. Медицинский отчёт о беременности Элис Бернс. Заметку о школьном театре, где Элис играла с парнем по имени Джеймс Морган. Некролог вашего отца — Эдварда Уоллеса, который покончил с собой через год после пожара.

При упоминании отца Уоллес замер. Его пальцы, державшие очки, побелели.

— И что же, по мнению вашей подруги, всё это значит? — спросил он тихо.

— Что ваш отец был причастен к смерти Элис. Что он запер её в аудитории.

— Это ложь.

— Майя нашла доказательства. Она сказала, что читала дневник.

Вот теперь Уоллес изменился в лице. Не просто побледнел — он словно окаменел.

— Дневник? — переспросил он.

— Дневник вашего отца. Майя сказала, что нашла его в архиве.

— Это невозможно. — Голос Уоллеса прозвучал глухо. — Дневник моего отца никогда не был в городском архиве. Он хранится... хранился...

Он осёкся. Полицейский переводил взгляд с него на Эмили.

— Мистер Уоллес, — сказал он, — если существуют документы, которые могут помочь следствию, я обязан с ними ознакомиться.

— Мне нужно поговорить с мисс Харт наедине, — сказал Уоллес. — Пять минут. Это личное. Семейное.

Полицейский нахмурился.

— Если вы скрываете информацию...

— Я ничего не скрываю от полиции! — Уоллес почти выкрикнул это. — Но это касается моего отца. Дайте мне пять минут. Пожалуйста.

Полицейский помедлил. Потом кивнул.

— Пять минут. Мы будем в коридоре.

Родители поднялись. Мать Майи всхлипнула. Отец Дэна бросил на Эмили долгий взгляд — в нём была надежда и страх пополам. Дверь закрылась.

Эмили и Уоллес остались вдвоём.

— Откуда она его читала? — спросил он. Его голос был тихим, почти шёпотом.

Эмили решила, что врать дальше нет смысла.

— Она не читала, — призналась она. — Она строила догадки на основе того, что нашла в архиве. А про дневник... я слышала обрывок разговора моей мамы с коллегой. Они упоминали какие-то «бумаги Уоллеса». Я блефовала.

Уоллес долго смотрел на неё. Потом издал короткий, горький смешок.

— Блеф. Вы блефовали — и попали в точку.

— Значит, дневник существует.

— Да. — Он встал и подошёл к книжному шкафу. Достал ключ, открыл маленький сейф за картиной. — Дневник существует. Как и всё, о чём догадывалась ваша подруга.

Он извлёк синюю папку, перевязанную пожелтевшей шёлковой лентой, и положил её на стол.

— Мой отец, Эдвард Уоллес, был одержим Элис Бернс. Он любил её — если это можно назвать любовью. Когда она отвергла его, когда она сказала, что любит Джеймса и ждёт от него ребёнка, он запер её в аудитории. Просто чтобы напугать. Но начался пожар. — Уоллес помолчал. — В дневнике он пишет, что это была не случайность. Что на третьем этаже было что-то тёмное — и его ярость разбудила это.

— И ваш отец покончил с собой.

— Да. В 1964-м. Мне было шесть лет. Я почти не помню его — только смутные образы. Высокий мужчина, который пахнет табаком. Который читает мне книгу перед сном. — Уоллес потёр лоб. — Я нашёл дневник только в 1985-м, когда разбирал вещи матери после её смерти. Она хранила его

на чердаке, никому не показывала. Я прочитал — и мой мир рухнул.

— И тогда вы закрыли третий этаж.

— Да. Я стал директором в 1987-м. Первое, что я сделал, — повесил усиленный замок. Но к тому времени люди уже пропадали. — Он открыл папку и показал газетные вырезки. — Вот, смотрите. Это не почерк моего отца. Это мой почерк. Я собирал всё, что мог найти: газеты, полицейские отчёты. 1965 год — учитель биологии Дуглас Арнольд. 1971-й — двое учеников, Роберт Миллс и Сьюзан Паркер. 1983-й — ночной сторож Генри Уоткинс. Четыре человека.

— Они все пропали на третьем этаже?

— Да. Кроме Арнольда — он, по крайней мере, вернулся однажды. Его видели в городе через несколько дней после исчезновения. Он был дезориентирован, никого не узнавал, а потом исчез снова. — Уоллес перевернул страницу. — Мой отец не знал их имён. Он умер за год до первого исчезновения. Но он предвидел это. Он писал: «Этаж не остановится. Он будет забирать всех, кто войдёт. Цикл запущен».

— Цикл? — переспросила Эмили.

— Тридцать шесть лет. — Уоллес посмотрел на неё. — Отец вычислил это каким-то образом. Может быть, по старым архивам — школа стоит на этом месте с 1870-х, до неё здесь была церковь, а до церкви — что-то ещё. Каждые тридцать шесть лет здесь происходило что-то... странное. Пожары. Исчезновения. Смерти. Отец считал, что это место про-

клято, а его поступок — запираание Элис — пробудил это проклятие окончательно.

— Первый цикл закончился в 1999-м, — сказала Эмили.
— А сейчас начинается второй.

— Да. — Уоллес закрыл папку. — И ваши друзья там. У нас мало времени.

— Мы должны их вытащить.

— Мы? — Уоллес поднял брови.

— Вы и я. Сегодня ночью.

— Это опасно. Вы слышали, что я сказал: никто не возвращался. Никто, кроме Арнольда, но он вернулся... другим.

— И поэтому вы пойдёте со мной, — сказала Эмили. — Вы знаете это место лучше, чем кто-либо. Вы знаете дневник. Вы знаете историю. И вы знаете, что должны это сделать.

Уоллес долго смотрел на неё.

— Вы необычная девушка, мисс Харт, — сказал он наконец.

— Я просто хочу вернуть своих друзей.

— Хорошо. — Он встал. — Сегодня в десять вечера. У западного входа. Возьмите фонарик и тёплую одежду. И никому не говорите.

Эмили кивнула и направилась к двери.

— Мисс Харт, — окликнул он её. — Есть ещё кое-что.

Она обернулась.

— В дневнике отец писал о ребёнке. О ребёнке Элис. В

отчёте о пожаре сказано, что найдено только одно тело. Но отец был уверен, что ребёнок выжил. — Уоллес посмотрел ей прямо в глаза. — Он не знал, что с ним случилось. Но он верил, что однажды этот ребёнок — или его потомок — вернётся. Что цикл можно разорвать только так.

— Почему вы говорите мне это?

— Пото

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.